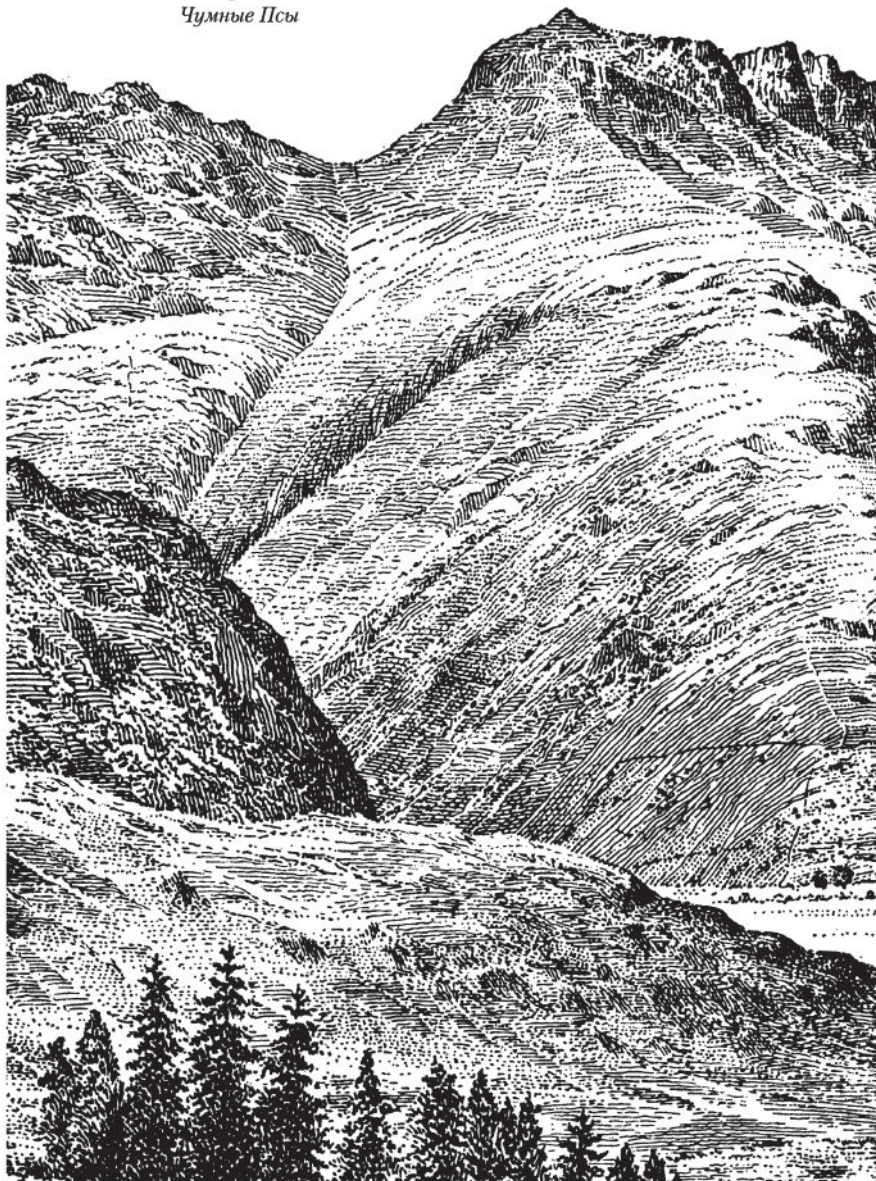

Книги Ричарда Адамса, опубликованные
Издательской Группой «Азбука-Аттикус»

Обитатели холмов
Шардик
Майя
Истории обитателей холмов
Чумные Псы

Ричард Адамс

ЧУМНЫЕ ПСЫ

*Издательство
«Иностранка»
МОСКВА*

*Посвящается Элизабет,
с которой я впервые открыл для себя Озерный Край*

τῆς τε γὰρ ὑπαρχούσης φύσεως μὴ χεῖροσι γενέσθαι
ὑμῖν μεγάλη ἡ δόξα καὶ ἥς ἂν ἐπ' ἐλάχιστον ἀρετῆς πέρι
ἢ ψόγου ἐν τοῖς ἄρσεσι κλέος ᾗ¹.

Фукидид. История (кн. II, гл. 45, § 2)

---

¹ ...И та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу (Перев. Г. Стратановского).

Королева: Хочу изведать
Всю силу снадобий твоих на тварях,
Не стоящих повешенья (не людях)...

Корнелиус: Занятя
Такие лишь ожесточат вам сердце.

*Шекспир. Цимбелин, акт I, сцена 5,
перев. А. Куршовой*

В этом пассаже нет ничего особо примечательного, и все-таки я не могу не привлечь к нему внимание. Мысль, высказанная в нем, прозвучала бы с еще большей силой, доживи наш автор до позднейших времен, когда он был бы наверняка потрясен известиями еще и не о таких опытах. Ими занимается особая порода двуногих, которые безо всякой жалости учиняют пытки и без малейшего зазрения совести печатают их описания, и при всем том им позволено называться людьми.

Доктор Джонсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Входная штольня Ситуэйтской медной шахты была завалена несколько лет назад, зато пещера в Браун-Хо цела и поныне. В остальном топография данной истории, смею утверждать, вполне реальна.

Что касается названий конкретных мест, народная топонимика в некоторых случаях отличается от зафиксированной на картах. Сталкиваясь с подобными расхождениями, я предпочитал варианты, которые приняты у местных жителей. Так, в моем повествовании вы найдете перевал Рейнес вместо перевала Райноус, Буттерилкет вместо Братерилкелда и Лоу-Дор вместо Лодора. (Поэт Роберт Саути придал обычному местному названию весьма романтический колорит.)

Я также постарался сохранить колоритные особенности местного произношения — иначе персонажи этой книги заговорили бы на несвойственном им диалекте.

Еще хочу заметить, что почти все симпатичные персонажи здесь — реальные лица, а вот несимпатичные являются сугубо вымышленными. Например, доктор Бойкотт, Дигби Драйвер, Энн Мосс и замминистра — суть плоды моего воображения, ничем не напоминающие кого-либо из известных мне граждан. Однако Деннис Уильямсон, Роберт Линдсей, Джек и Мэри Лонгмайр, Филлис и Вера Доусон, равно как и некоторые другие обитатели Ситуэйта и его окрестностей, — реальны не менее, чем гора Скэфелл-Пайк. Другое дело, что в реальной жизни ни Деннис, ни Роберт с Рауфом не пересекались и Филлис Доусон не обнаруживала его ранним утром у себя на заднем дворе.

Работая над книгой, я также постарался «не заметить» некоторые безрадостные перемены, случившиеся в дорогих мне местах. Так, в Ньюфилде вы больше не найдете Джека и Мэри Лонгмайр. Железный старик Билл Рутледж из Лонг-Хауса все-таки умер. Долина в его лице потеряла человека, при мысли о котором на ум не-

вольно приходят строки Мильтона, посвященные Хобсону, университетскому вознице:

Вот живчик был, друзья! Когда я прав,
Не ликовала даже Смерть, его забрав.

Джеральд Грей больше не живет в Бротоне, хотя «Мэнор» по-прежнему стоит на своем месте; и Рой Гринвуд некоторое время назад переехал, покинув дом священника в Ульфе. Что касается Джона Одри, он вправду был отважным парашютистом-десантником, но не сегодня, а в дни Второй мировой.

Если уж на то пошло, все эти люди мало пересекались по жизни и в совместной деятельности замечены никогда не были. Я просто включил их всех в свое повествование, описав каждого так, как он запомнился окружающим.

Еще замечу, что в Озерном Крае нет учреждения под названием «Животная опытно-научная и прикладная апробация». Честно говоря, в реальности ни один центр биологических испытаний не занимается столь широким спектром вопросов, как Ж.О.П.А. Тем не менее каждый отдельный «эксперимент» над животными из числа описанных в этой книге в свое время действительно был осуществлен. В этой связи хочу с благодарностью упомянуть две книги, из которых я почерпнул материал: это «Жертвы науки» Ричарда Райдера и «Освобождение животных» Питера Сингера.

Что же касается особенностей диалекта, распространенного в верховьях Тайна, тут мне оказали неоценимую помощь мистер и миссис Скотт Добсон.

Автором рисунков и чертежей является мистер Альфред Уэйнрайт, известный сериями прекрасных иллюстрированных путеводителей по Приозерным холмам. Правду вам сказать, сомневаюсь, был ли какой другой писатель удостоен столь великодушной помощи и сотрудничества со стороны иллюстратора!

И конечно же, как нельзя более реальны сэр Питер Скотт и Рональд Локли, которые самым отважным и рыцарственным образом согласились войти в мое повествование под своими подлинными именами, за что я несказанно им благодарен. Сразу замечу, что суждения, вложенные в уста этих персонажей, получили со стороны их прототипов полное и горячее одобрение.

И наконец, я просто обязан сказать спасибо мисс Маргарет Эппс и миссис Дженис Нил, которые в высшей степени тщательно и добросовестно перепечатавали эту рукопись.

ЧУМНЫЕ ПСЫ

Приступ I

Пятница, 15 октября

Вода в огромном металлическом баке слабо плеснула. Вдоль бортика пробежала медленная волна, добралась до угла и затихла. В свете электрических ламп беспокойная поверхность напоминала то ли разбитое зеркало, то ли лоскутный шутовской балахон из подвижных ромбиков и квадратов. Тусклые блики чередовались с острыми, как лезвия скальпелей, блестками. В течение двух минувших часов вода в баке была основательно загрязнена, там и сям в ней угадывались желтоватые струйки мочи и плавали пузырьки слюны, сбившиеся в крепкую пену. Будь в помещении какой-нибудь впечатлительный наблюдатель, ему могло бы показаться, что бак наполняет не вода, а какая-то более плотная жидкость. Что-то вроде смеси варенья и несвежего пива, которую подвешивают в стеклянных баночках в качестве приманки для ос, или темных лужиц на бетоне, по которым шлепают резиновые сапоги и копыта в любом хлеву Озерного Края.

Вот только впечатлительных наблюдателей здесь не было.

Мистер Пауэлл протер очки рукавом и, держа наготове блокнот, перегнулся через наклоненный внутрь бортик, чтобы заглянуть в бак. Поверхность воды колыхалась тремя футами ниже.

— Похоже, шеф, он готов... Хотя погодите-ка! — Мистер Пауэлл слегка помедлил, потом засучил рукав белого халата, уберегаясь от очередного, еще более слабого всплеска, и вновь склонился к воде. — Нет, шеф, что я говорю... Он и вправду готов. Прикажете вытаскивать?

— Только после того, как объект окончательно скроется под водой и полностью прекратит двигаться, — не отрываясь от бумаг на столе, отозвался доктор Бойкотт. Хотя в помещении не было никаких сквозняков и воздух оставался неподвижным, он счел нужным на всякий случай понадежнее прижать листы с таблицами и кривыми, использовав в качестве груза тяжелые часы-секундомер. — По-моему, — продолжал он ровным и вежливым тоном, — я еще в начале опытов исчерпывающе объяснил, в какой момент должно произойти извлечение...

— Но вы ведь не хотите, чтобы он утонул? — не без некоторого беспокойства в голосе переспросил мистер Пауэлл. — Если объект...

— Нет! — быстро перебил доктор Бойкотт, словно торопясь прервать подчиненного, пока тот не наговорил лишнего. — Дело не в том, чего я хочу или не хочу, — продолжил он чуть погодя. — Объект *не предназначен* для утопления, по крайней мере не в этот раз. Полагаю даже, что и не в следующий, хотя, конечно, все зависит от результатов...

Из бака опять послышался плеск, но уже совсем слабый — призрачное эхо, блуждавшее между металлическими бортами, — словно некий дух безуспешно пытался сойти в земной мир и потревожить поверхность воды. Безуспешно — потому что «объекту» в баке не следовало рассчитывать ни на какие чудеса, если они не содействовали науке.

И вот наконец с одышливым звуком лопнули последние пузыри, и в лаборатории воцарилась тишина.

Снаружи, со склона холма, отчетливо донесся крик черной падальщицы-вороны...

Поднявшись, мистер Пауэлл прошагал по цементному полу и снял с деревянного гвоздя загнутый пастуший посох. После чего уселся на бортик бака и стал машинально отбивать концом посоха ритм популярной песенки.

— Э-э-э... Стивен, я бы вас попросил, — с легкой улыбкой произнес доктор Бойкотт.

— Ой, простите.

Крупная дворняга в баке еще продолжала загребать передними лапами, но совсем вяло, так что тело от шеи до крупа повисло в воде почти вертикально. Висячие уши всплыли и распластались по сторонам головы наподобие крыльев, но глаза уже ушли под воду, и над нею виднелся лишь черный нос с изящным изгибом ноздрей. Мистер Пауэлл молча наблюдал за тем, как этот нос погрузился, снова высунулся на мгновение и опять ушел вниз. Тело, зрительно укороченное преломлением, казалось, слегка переместилось — и вскоре бесформенной массой упокоилось на металлическом дне, подняв облачка илистой грязи. Доктор Бойкотт щелкнул кнопкой секундомера. Мистер Пауэлл украдкой оглянулся, желая убедиться, что начальник не заметил ила на дне (шеф всегда скрупулезно следил за чистотой оборудования), и мысленно положил себе напомним Тайсону, сторожу и смотрителю варярия, чтобы тот к завтрашнему дню непременно опорожнил и вычистил бак.

После этого мистер Пауэлл запустил в воду посох. Сделав поправку на искажение в толще воды, он ловко (сказывалась практика) подцепил крюком ошейник дворняги и стал поднимать ее к поверхности. Но не дотащил — его руки дрогнули, он выронил палку и, морщась, выпрямился, а мохнатое тело снова опустилось на дно.

— Господи, до чего тяжелый-то, — вырвалось у него. — В смысле, шеф, он, конечно, тяжелее не стал, просто я руку вчера вечером потянул, и она, зараза, болит. Ну ничего, жить буду, как говорится...

— Сочувствую, — сказал доктор Бойкотт. — Разрешите, я помогу. Стоит ли вам мучиться, если можно этого избежать!

Они вдвоем взялись за посох, подняли со дна тяжеленное тело, облепленное густой мокрой шерстью, совместным усилием переваляли его через бортик и опустили на коврик из вспененной резины. Более всего пес сейчас напоминал утопнувшую муху — непроглядно-черный и какой-то сплюснутый, словно растекшаяся капля. Четвероногий утопленник

казался несколько меньше, чем в жизни, — обмякшие мышцы, впалое брюхо, слипшаяся шерсть.

Мистер Пауэлл начал делать ему искусственное дыхание. Спустя некоторое время из пасти пса хлынула вода, он судорожно втянул в себя воздух, но глаз так и не открыл.

— Ну что ж, хорошо, — деловым тоном проговорил доктор Бойкотт. — Теперь, Стивен, займитесь обычными тестами. Пульс, анализ крови, температура тела, рефлексы... в общем, все, над чем мы работали. Потом, пожалуйста, нанесите результаты на график. Я вернусь минут через двадцать, только схожу в крыло Кристиана Барнарда, посмотрю, что там с операцией на мозге, которую делали после обеда. — И добавил тихо, но строго: — Только, пожалуйста, не курите тут в мое отсутствие. Вы же понимаете, это может сказаться на результатах исследований.

— Можно я на него намордник надену? — спросил мистер Пауэлл. — Этот, как там его, семь-три-второй — больно уж непростой парень. Очнется, не ровен час, цапнет еще...

— Конечно надевайте, я не против, — сказал доктор Бойкотт, забирая со стола секундомер.

— Кстати, шеф, а что там со временем? — поинтересовался мистер Пауэлл. Тон у него при этом был довольно подхалимским, словно доктору Бойкотту предстояло озвучить личное достижение.

— Два часа двадцать минут пятьдесят три целых и четыре десятых секунды, — ответил доктор Бойкотт. — Навскидку могу сказать, что это минут на шесть с половиной больше, чем в среду, и примерно на двенадцать минут больше, чем при позапрошлом испытании. Пока что вырисовывается почти линейная зависимость, хотя, без сомнения, со временем прирост покажет тенденцию к уменьшению. Рано или поздно будет достигнута точка, в которой сверхвыносливость, питаемая надеждой объекта на избавление, будет нейтрализована пределом его естественных физических возможностей. — Он ненадолго умолк, а затем продолжил: — Кстати, мистер Пауэлл, я попросил бы вас позаботиться еще кое о чем. Утром я совсем забыл сказать вам, что в Кембридже от нас ждут не до-

ждутся результатов эксперимента по социальной депривации. У нас ведь уже приготовлена для этого обезьянка, не так ли?

— А как же, — ответил мистер Пауэлл. — Всяко найдем.

Доктор Бойкотт переспросил чуточку резче:

— Помнится, вы мне говорили со всей определенностью, что животное приготовлено?

— Да, точно, шеф, — торопливо поправился мистер Пауэлл. — Несомненно, приготовлено.

— Ну и отлично. Значит, пускай сегодня же вечером отправляется в цилиндр. Полагаю, вы обеспечите там полное отсутствие света?

— Так точно, шеф, обеспечим. И свет, и все прочее. Ограничение подвижности, необходимая вентиляция и сетчатый металлический пол, чтобы моча и фекалии сразу проваливались вниз. Все как положено.

— Стало быть, приступайте безотлагательно. Наблюдайте животное два раза в день и, конечно, заносите все необычное в журнал. Не забудьте регулярно отмечать общее количество дней на доске возле цилиндра. Это для удобства директора, если тот захочет посмотреть, как идут дела.

— А где разместить цилиндр, шеф?

— Не имеет особого значения, лишь бы вы не забывали приглядывать вовремя, — ответил доктор Бойкотт. — Предлагаю устроить его вблизи вашего обычного рабочего места, только, естественно, подальше от других животных. Нужно по возможности обеспечить тишину и отсутствие органических запахов. Вы же понимаете — все должно работать на депривацию.

— Шеф, а как насчет центрифуги в четвертой лаборатории? — спросил мистер Пауэлл. — Там сейчас полно места и тишина стоит как в могиле!

— Да, это подойдет, — сказал доктор Бойкотт. — Не забудьте проинструктировать Тайсона насчет кормления и держите меня в курсе, как все пойдет. Предполагаемая длительность опыта, допустим... ну... к примеру, сорок пять дней.

Он уже держался за ручку двери, и мистер Пауэлл спросил:

— Пока все, шеф?

— Почти, — ответил доктор Бойкотт. — Пожалуй, вот еще что. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы в баке спустили воду и все как следует вычистили. Там, знаете ли, ил на дне появился, а это недопустимо.

*

Участок земли под учреждение, называвшееся «Животная опытно-научная и прикладная апробация» (Ж.О.П.А.), был отведен после серьезных административных и даже политических баталий. В конце концов исследовательский комплекс разместили на территории Лоусон-парка, бывшей фермы на восточном берегу озера Конистон-Уотер. Проект находился в ведении министерства, то есть был изначально снабжен всеми необходимыми разрешениями, но и совет графства, и Комитет по надзору за национальным парком яростно воспротивились, ссылаясь на циркуляр № 100. Судя по всему, ответственный за проект заместитель министра по охране окружающей среды успел представить, как ему придется отдуваться перед оппозицией, если дело дойдет до Уайтхолла. И он решил, что в сложившихся обстоятельствах самым правильным будет провести общественные слушания. Последние продолжались около двух недель, и за это время государственный инспектор, в свободные от службы часы увлекавшийся английской историей семнадцатого века, не раз успел пожалеть о том, что, в отличие от мистера Брэдшо, председательствовавшего на так называемом суде над Карлом I, не запасася пуленепробиваемой шляпой. Клерк, выступавший со стороны графства, подверг министерских экспертов жесткому перекрестному допросу, настойчиво допытываясь, в чем заключается «жгучая необходимость» размещения очередной правительственной стройки на территории национального парка. Местный полномочный секретарь, вызванный в суд Комитетом по строительству, фактически был вынужден свидетельствовать против того самого ведомства, в котором он надеялся однажды занять место заместителя. А Совет по защите сельских зон Англии, наоборот, весьма помог делу

Конистонский Старик

строительства, эмоционально заявив, что никому, никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не следует разрешать что-либо строить. Далее выступил мистер Финуорд, отставной офицер торгового флота, живший в домике на холме неподалеку от спорного участка. Он не придумал ничего лучше, чем пригрозить инспектору физической расправой, если тот немедленно не выскажется за отмену строительства. Его превзошел только мистер Прэнсбоди, заявивший, помимо прочего, что исследовал древние захоронения на территории Дербишира и нашел в них материальные подтверждения теории, согласно которой в Англию переселились выходцы из Святой земли. Он обосновал свою позицию, почти полностью зачитав доклад в шестьдесят три страницы. В конце концов мно-

гострадальный инспектор вынужден был прервать выступающего, объявив его доводы ничтожными и не относящимися к делу. Брызгавшего слюной мистера Прэнсбоди под руки вывела из зала полиция.

На тех слушаниях вообще не приходилось скучать. Пожалуй, следует особо отметить выступление представителей Королевского общества защиты животных. Они высказались в пользу строительства, исходя из того, что эксперименты и хирургическая практика учреждения Ж.О.П.А. окажутся благом для всего животного мира.

Когда все отгреломо, инспектор, которому министерство приказало как можно скорее выдать отчет для печати (и кому какое дело, что эта работа требовала вдумчивой неспешности), высказался против размещения комплекса в Лоусонпарке и, соответственно, против покупки там участка земли. Министр Уильям Манкинс (из-за своей нерешительности и малодушия известный в департаменте как Размазня Билл) в конце концов вынес вопрос на рассмотрение кабинета, который решил одобрить проект, невзирая на рекомендации инспектора. Подобное решение явилось результатом тайной сделки с министрами труда и внутренних дел — в обмен на новую тюрьму «открытого типа» в Вустершире, отставку главного инспектора Комиссии химического контроля... и, скажем так, домашние тапочки некоей молодой леди, мисс Мэнди Прайс-Морган, закрутившей роман с одним из представителей «теневого кабинета».

После публикации отчета и окончательного решения министра из парламента градом посыпались депутатские запросы. Газета «Гардиан» разразилась передовицей, выдержанной в весьма резких тонах. Стряпчие Конистонского общества протеста призвали мистера Джеймса Чаффанбрасса, королевского адвоката и — без шуток — праправнука того самого Чаффанбрасса, о котором писал в своих романах Энтони Троллоп, досконально изучить решение и отчет на предмет самомалейших зацепок, которые позволили бы довести дело до Верховного суда. Угодив таким образом под огонь, Размазня Билл держался непоколебимо и тщательно следил

за тем, чтобы на все устные запросы (в отличие от письменных) отвечал его доверенный парламентский секретарь мистер Бэзил Форбс (именовавшийся в кулуарах Шашки Наголо из-за непредсказуемых приступов безрассудства). По ходу дела загнанный в угол мистером Бернардом Багуошем, королевским адвокатом и парламентским представителем от центральных областей Озерного Края, собиравшимся продолжить обсуждение на следующем заседании, мистер Манкинс просто блеснул своим отсутствием, изящно смывшись под важнейшим и неотложным предлогом: на восточном побережье Англии произошел большой оползень, обрушение песчаного холма оставило без крова сколько-то семей и им срочно требовалось соболезнование и участие высокопоставленного лица. Шашки Наголо произнес шестиминутную речь, а уже появилась куда более действенная дубинка против правительства. Был опубликован долгожданный отчет Саблонского комитета, ведавшего расходом денег налогоплательщиков на биологические и медицинские исследования. В отчете уделялось особое внимание Национальной службе здравоохранения и указывалось, что вышеупомянутые исследования требуют большего внимания, равно как и больших вложений. Представитель правительства, отлично знавший о твердом нежелании Министерства финансов лишиться раз открывать кошелек, в основном бекал и мекал, рассуждая о необходимости всестороннего изучения проблемы и опасности поспешных решений. Он и правда не мог в то время сказать, будет ли принят отчет. Оппозиция тотчас накинулась на него, точно стая азартно лающих гончих. А поскольку поддержка Саблонского комитета была несовместима с дальнейшими нападками на строительство в Лоусон-парке, Размазня Билл благополучно пережил еще одну остросюжетную главу в своей бурной карьере.

Местному оценщику было поручено выяснить стоимость бывшего фермерского дома и земельного участка и провести переговоры. После чего тендер на строительство выиграла известная и почтенная архитектурская фирма «Сэр Конэм Гуд, сын и Хоу».

Позже все согласились с тем, что новые здания очень хорошо вписались в окрестности — открытый склон, дубовые рожицы, более темные пятна сосен и лиственниц, каменные межи и зеленые квадраты полей и сверкающее, как лезвие, озеро внизу с отраженными в нем облаками...

Сэру Конэму удалось сохранить и фермерский дом, и хозяйственные постройки. Он лишь превратил их в столовую, конференц-зал и офисы для постоянных сотрудников. На стены и кровли лабораторий, стояла и хирургического крыла (имени Кристиана Барнарда) пошел местный камень и аспидный сланец, а что касается вивария, то известный фотограф и специалист по содержанию животных лорд Плинлимон отвел для него одно большое здание, под крышей которого уместилось более двадцати отсеков и комнат, заставленных клетками.

Новый центр торжественно открыли в середине лета, под проливным дождем, обычным для Озерного Края. Ленточку перерезала баронесса Хилари Блант, бывший постоянный заместитель министра. С этого момента бурный поток писем в «Таймс» начал мелеть и редеть, пока не иссяк окончательно.

Когда три ярко-синих фирменных фургона, принадлежавших Ж.О.П.А., подвезли по гладкой асфальтовой дорожке первую партию собак, морских свинок, кроликов и крыс, вновь назначенный директор сказал доктору Бойкотту:

— Теперь, будем надеяться, нас на какое-то время оставят в покое и дадут заниматься полезным делом. На это место было потрачено столько эмоций — пора уже переходить к беспристрастной науке!

*

Черный беспородный кобель лежал на куче соломы в решетчатой клетке, находившейся в дальнем углу собачьего отделения. Его длинная шерсть почти высохла, намордник был уже снят, возле полуоткрытой пасти дышал кислородом гибкий шланг. Табличка на двери клетки содержала те же цифры, что были выдавлены на зеленом пластиковом ошейнике, —

732. Под номером шла надпись: «Инстинкт выживания и физическая форма (погружение в воду). Доктор Дж. Р. Бойкотт».

Всего здесь было около сорока клеток, составлявших два двухэтажных ряда. Почти во всех, за исключением нескольких отсеков, сидели собаки. В основном стенки клеток представляли собой толстую проволочную сетку. Таким образом, если смежные отсеки были населены, у каждой собаки оказывалось сразу трое соседей. Однако у клетки семьсот тридцать второго, размещенной в самом конце четвертого ряда и притом в конце помещения, имелась одна кирпичная стенка, являвшаяся внешней стеной самого здания. А поскольку смежная клетка четвертого ряда пустовала, сосед у семьсот тридцать второго был только один — пес из ряда номер три, чья клетка примыкала тыльной стороной к отсеку 732, а боковой — к кирпичам наружной стены. В данный момент этот пес, вероятно, прятался в будке (ибо каждая клетка была оснащена будкой), но признаки обитаемости были налицо. В одном углу — основательно погрызенный резиновый мячик, в другом — желтеющая, лишенная мяса говяжья лопаточная кость, несколько свежих царапин на кирпичах, полупустая поилка, кашки на полу и, конечно, табличка на дверце, гласившая: «815. Нейрохирургия. Группа С. Мистер С. У. К. Фортескью».

Повсюду в помещении витал неистребимый запах псины, который разбавляли острые ароматы свежей соломы и бетона, обработанного водой с фирменным антисептиком «Джейз». Однако сквозь открытые фрамуги, расположенные под самым потолком, задувал свежий ветер, который нес дыхание папоротников и болотного мирта, коровьего и овечьего навоза, дубовых листьев, крапивы и озера на закате. Уже темнело, и под электрическими лампами, установленными по одной в конце каждого ряда, стали возникать островки желтоватого света — казавшегося настолько резким в стекавших снаружи мягких сумерках, что собаки в ближайших клетках отворачивались и прикрывали глаза.

В помещении, битком набитом животными, было на удивление тихо. Лишь здесь и там слышалась возня собак, устраи-

вавшихся поудобнее в соломе. Один из псов, бурый ретривер с огромным шрамом поперек горла, время от времени тихо подвывал во сне. Другой, помесь уиппета, на трех лапах и с забинтованной культей, неуклюже бродил по своей клетке, время от времени натываясь на стены. Проволочная сетка издавала негромкий звук, отдаленно напоминавший голос джазового барабана, когда его касаются кисточкой. И это было все — не лаяла ни одна из тридцати семи собак, сидевших здесь взаперти. Наверное, у них было все хорошо. А может, просто сил не хватало. Так или иначе, здесь царствовали тихие звуки сельского вечера, вливавшиеся снаружи, точно последний солнечный свет — сквозь березовую листву в кроватку засыпающего ребенка. Вот издали донесся голос пастуха, вот проехала машина по Конистонской дороге... Еле слышно, так что лишь собачий слух способен был уловить, плескала о камни вода в озере, да ветер шевелил жесткие стебли травы, да кричала в кустах вереска куропатка, быстро повторяя: «Поди прочь, поди прочь...»

Спустя некоторое время, когда снаружи почти окончательно воцарилась темная октябрьская ночь, из конуры восьмьсот пятнадцатого отсека раздался резкий скрип когтей и шорох соломы. Казалось, обитатель клетки пытается выкопать норку в бетонном полу. Потом стало слышно, как зубы впиваются в трещащее дерево. Затем примерно на минуту все смолкло. И наконец из конуры высунулась черно-белая голова гладкошерстного фокстерьера. На несколько мгновений пес замер, наострив уши и вскинув приносящийся нос. Потом вышел наружу весь, отряхнулся, полакал из миски воды, задрал ногу у кирпичной стены... И направился к сетке, отделявшей его от соседа.

Вид у терьера был, мягко говоря, странный. На голове у него красовалось что-то вроде черной шапочки, отчего он напоминал зверюшку со страниц детского комикса. Художники наделяют эти создания головами кошек, собак, медведей, мышей или кого-то еще, но при этом непременно снабжают одеждой — и нимало не заботятся об анатомическом правдоподобии, так что у рисованных зверьков смещаются локти, появляются кисти рук и так далее. Ну а этот терьер и в са-

мом деле носил черную шапочку, то есть хирургическую повязку из прочной клеенки, накрепко приклеенную к голове перекрестными полосами пластыря — с тем, чтобы собака не стала чесаться и не содрала антисептический тампон, прикрывавший рану. Все сооружение имело форму скругленного ромба и было кокетливо надвинуто на правый глаз. В результате, чтобы посмотреть прямо перед собой, песик был вынужден наклонять голову вправо, что придавало ему хитровато-осведомленный вид.

Добравшись до сетки, терьер потерял об нее ухом, словно пытаясь избавиться от повязки, но тотчас, вздрогнув, оставил свое намерение и уселся на пол против соседа — огромного черного косматого пса.

— Рауф! — позвал терьер. — Рауф, прикинь, они утащили все рододендроны, оставив только червяков. Вертится, вертится шар го... Ой, а темно-то как! Лишь одинокая звезда светит мне прямо в глотку, вот и все. Прикинь, Рауф, мой хозяин...

Черный пес вскочил на лапы, и это движение автоматически перекрыло подачу в шланг кислорода. Скаля зубы и пригнув уши, кобель подался назад, приникая к соломе. Глаза у него горели яростью, он принялся лаять так, словно на него со всех сторон наседали враги:

— Рауф! Р-р-рауф! Гр-р-рауф!

Он поворачивал голову из стороны в сторону, выискивая, в кого запустить зубы.

— Гр-р-рауф! Рауф! Рауф!

Остальные псы в помещении немедленно откликнулись:

— Я бы тебе задал, если бы мог только добраться!

— Эй ты там, заткнись!

— Думаешь, тебе одному не по нраву эта поганая дыра?

— Слушайте, дадут нам хоть немного поспать, а?

— Ау! Ау! Это, верно, тот паршивец, который хотел быть волком?

— Рауф! — быстро вставил терьер. — Рауф, быстро ляг и затихарись, пока грузовик не приехал... то есть пока листья не загорелись! Я-то уже падаю со всей скоростью! Если замолчишь, я сумею до тебя дотянуться...

Рауф рывкнул еще раз, затравленно огляделся, потом медленно понурился, подошел к сетке и обнюхал прижатый к ней черный носик соседа. Еще несколько мгновений, и он улегся и начал тереться черной лохматой головой о вертикальную стойку.

Шум в помещении постепенно затих.

— От тебя железной водой пахнет, — сказал терьер. — Ты опять в железной воде плавал, ну и дух, говорит мой нюх, ух, ух...

После долгого молчания Рауф ответил:

— Угу. Вода.

— Вот-вот. Пахнет, как у меня в поилке. Я угадал? Кстати, там дно грязное. Я все чую, хоть у меня в голове и устроили загончик для кур...

— Что?

— Я говорю, в голове у меня устроили загончик для кур. Те, в белых халатах, все проволокой заплели.

— Когда это они? Я что-то не вижу...

— Еще бы, — сказал терьер таким тоном, словно отмахивался от совершенно бессмысленного вопроса. — Ну конечно же, *видеть* этого ты никак не можешь!

— Вода... — снова пробурчал Рауф.

— Слушай, а как ты выбрался? Ты ее всю выпил, или солнышко ее высушило, или как?

— Не помню, — ответил Рауф. — Выбрался... — Он уронил голову на солому и стал лизать и покусывать подушечку передней лапы. Потом сказал: — Выбрался... Я никогда не помню, как вылезая оттуда. Наверно, они вытаскивают меня. Короче, отвяжись, Надоеда.

— А может, ты вовсе и не выбрался, — сказал терьер. — На самом деле ты утонул. И вообще все мы уже умерли. То есть даже и не рождались. Живет на свете мышка, певунья — лучше нет... Меня укусили за самые мозги, и все время идет дождь. По крайней мере, в этом глазу.

— Надоеда, ты спятил! — зарычал Рауф. — Хорош болтать, я очень даже живой! Если не веришь, просто не отдергивай голову...

Терьер отскочил прочь. И весьма вовремя — там, где только что был его нос, лязгнули челюсти.

— Верно, я спятил. В голове сдвиг, летит грузовик... я очень извиняюсь. Дорога — ну, где все это произошло — она была черная и белая. Прямо как я, понимаешь?

Он замолчал, потому что Рауф перекатился в соломе и опять замер, словно выбившись из сил.

— Вода, — пробормотал большой пес. — Что угодно, только не в воду... опять... завтра... — Тут он приоткрыл один глаз и взвился, точно ужаленный: — Белые халаты! Белые халаты идут!..

На сей раз всеобщего протестующего лая не последовало. Такой клич в виварии раздавался слишком часто и внимания уже не привлекал.

Надоеда вернулся к стенке вольера. Рауф сидел по ту сторону и смотрел на него. Он сказал:

— Всякий раз, когда я ложусь и закрываю глаза, то внезапно оказываюсь в воде. А потом вскакиваю — и ее нигде нет!

— Прямо как радуга, — ответил Надоеда. — Она плавится и тает. Я видел разок, как это бывает. Мой хозяин бросил палочку, и я побежал за ней вдоль берега, и там... Ух ты! — Терьер помолчал немного и продолжил: — А почему *ты* не таешь? Тогда уже никто не смог бы тебя в воду засунуть...

Из соседней клетки послышалось рычание.

— Вечно ты твердишь про своего хозяина, — буркнул Рауф. — У меня вот никогда хозяина не было. Но при всем том я не хуже тебя знаю, что это значит — быть собакой!

— Рауф, послушай, нам непременно надо через дорогу. Мы должны перейти через дорогу, прежде чем...

— Собака не отступает, — резко проговорил Рауф. — Собака никогда не отказывает человеку в его просьбе. Она для этого на свете живет. Поэтому, если мне скажут — лезь в воду, я... я должен... я... — Он содрогнулся и замолчал. Потом проговорил: — И все равно я не могу больше выносить эту воду...

— А кстати, куда потом сливают воду? — спросил Надоеда. — Не могу понять, почему она вся никак не вытечет? Наверно, весь слив забит палыми листьями. А лапа уиппета...